

Сталинизм и история: идеологизация методологии

С. Г. Осмачко

В статье рассмотрено взаимодействие науки и идеологии в тоталитарном обществе; проанализированы основные направления идеологизации исторической науки в 20–50-е годы XX века.

Ключевые слова: идеология, истина, историзм, история, методология, наука, научность, объективность, СССР, сталинизм, тоталитаризм, фальсификация.

Stalinism and History: Ideologizing of the Methodology

S. G. Osmachko

The interaction of a science and ideology in a totalitarian society is considered; the basic directions of ideologizing of a historical science in 20-50-s years of the XX-th century are analysed.

Key words: ideology, true, a historicism, history, methodology, a science, scientific charactor, objectivity, the USSR, stalinism, totalitarianism, falsification.

Вред политизации науки в аспекте целеполагания очевиден: в политике главенствуют интересы, в науке – истина; подчинение науки утилитарным политическим интересам лишает ее статуса значимой сферы общественного сознания. Любая политическая система стремится использовать прошлое в интересах насущного, и здесь важнее всего вопрос меры. К сожалению, 30-е годы XX века стали тем периодом, когда «мощность идеологического пресса оставила только самую узкую нишу для беспристрастного летописца» [13. С. 221]. С этого периода (и надолго), как отмечают современные историки, начинается полное подчинение исторической науки требованиям партийно-идеологической системы, ликвидация любой научной альтернативы сталинистскому варианту марксизма (с прекращением научных поисков в нем самом).

Уже в 1930 г. профессор Сорбонны Альберт Матъез писал, что в СССР «история перестает быть независимой и покорно уступает давлению всемогущей политики, которая навязывает ей свои концепции, свои очередные лозунги, даже свои очередные выводы» [3. С. 662]. О том, что советская историческая наука представляла собой научно-политический феномен, «гармонично» встроенный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей, писали позже многие исследователи [1. С. 37; 5. С. 96–97; 6. С. 204; 12. С. 64]. Сталин признавал только ту науку, которая украшала его пьедестал, только апологетические «изыскания» имели право на существование. 17 мая 1938 г., выступая с речью в Кремле на приеме работников высшей школы, вождь заявил: «Я говорил о науке. Но наука бывает всякая. Та наука, о которой я говорил, называется передовой. За процветание нашей передовой науки!» [11. С. 3–4].

Утилитарный подход сталинского режима проявлялся на *апологетическом и воспитатель-*

ном уровнях. В первом случае речь идет об исторических обоснованиях значимости вождя, правильности проводимого курса; во втором – история (научная и образовательная система) понимается как средство государственно-патриотической мобилизации, а всеобщее школьное образование – как «основной проводник государственной идеологии» [7. С. 104]. В октябре 1959 г. увидело свет постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школе», в котором на историческое образование возлагалась задача «воспитывать молодежь в духе коммунистической идейности и морали, нетерпимости к буржуазной идеологии, в духе социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма, глубокого уважения к труду и способствовать подготовке учащихся к активной общественной жизни» [2. С. 289].

Сегодня также немало желающих превратить школу в кузницу идеологически «правильных» граждан.

Можно выделить следующие направления сталинской идеологизации исторической науки:

1. Навязывание обязательной партийности (в значении подлинной научности); постановка субъективно понимаемой политической целесообразности выше объективности.
2. Огосударствление (административно-директивные методы управления, неограниченное вмешательство вышестоящих инстанций в процесс исторического поиска, цензура, репрессии и пр.).
3. Признание исключительного права вождя на написание истории.
4. Прямая фальсификация исторического прошлого (уже с 1923 г. [16. С. 138] начинается приписывание Сталину заслуг других исторических деятелей, возникает лживая концепция «двух вождей Октября» и мн. др.).

Работая над текстом отчетного доклада ЦК XX съезду ВКП(б), Сталин произвольно (на сотни млн пудов) завысил показатели по производству зерна, парк сельхозтехники; манипулируя «послушным большинством», вписал в «нужные» места указания: «Взрыв аплодисментов», «Общий смех», крики «Великому Сталину – ура!», «Да здравствует товарищ Сталин!», «Нашему любимому Сталину – ура!» [17. С. 6]. Естественно, что эти указания неукоснительно выполнялись номенклатурной кликой.

5. Историческое умолчание о неугодных политических фигурантах, уничтожение тех, кто мог пролить свет на историческое прошлое, ограничение допуска к исторической информации, изъятие книг, цензура и пр.

6. Запрещение контактов с зарубежными историческими школами.

7. Насилие в отношении историков, исторических школ и издательских коллективов. Чтобы историки «знали свое место», на них уже в 20-е годы обрушились репрессии (пострадали С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, В. Г. Дружинин и мн. др.).

Научно-кадровый потенциал исторической науки был окончательно подорван в 30-е годы. Жесткий контроль за историческими исследованиями осуществлялся не только путем репрессий, но и методом обязательного предписывания. В качестве источников установления официоза использовались догмы вождя, идеологии в официальных партийно-государственных изданиях. То или иное мнение Сталина объявлялось «аксиомой большевизма», дальнейшая разработка этих тем почиталась ересью. «Тезис “всем известно” в устах Сталина и его присных, – писал А. Н. Мерцалов, – звучал как приказ о прекращении дискуссий» [10. С. 415].

Показателен в этом отношении случай с В. П. Бузескулом, известным византинистом и историком науки, в том числе славяноведения, в 1922 г. избранным академиком. Он предложил прочитать в Харьковском университете в 1924 г. три курса – «Западноевропейская историография», «История культуры» и «История социальных отношений и идеология». Ознакомление с обстоятельными записками и программами этих курсов позволяет говорить о серьезности намерений видного ученого. Но 24 марта 1923 г. в методком Укрпрофотбора на эти документы была наложена следующая резолюция: «Ввиду того, что представленные программы основных предметов не соответствуют материалистиче-

скому пониманию истории – считать их неприемлемыми» [14. С. 173–174].

8. Отказ от антропологических подходов в методологии, что привело к недостаточной проработке тем, связанных с деятельностью личностей; навязывание вульгарно понимаемого марксистского экономического детерминизма.

9. Давящий приоритет закона над фактом, массы над личностью, общечеловеческого над национальным.

10. Идеализация прошлого (мол, в деятельности вождя, партии, страны «все было хорошо»), навязывание так называемого «декретного метода» (априори признание в исторических описаниях всех партийно-государственных решений, постановлений выполненными).

11. Выработка определенного типа ученого-историка, соответствующего тоталитарной системе. Этот процесс шел как по линии профессионального образования, так и в сфере формирования адекватного типа морального поведения. Историк был нужен, только если считал себя «бойцом партии». Профессионально-этическая деформация, являясь условием научного (и даже физического) выживания, затронула всех. Б. Д. Греков в статье «И. В. Сталин и историческая наука» делал вывод о «гигантской роли И. В. Сталина в развитии исторической науки. Все мероприятия теоретического и практического характера, научные исследования и педагогическая работа историков в Советском Союзе вдохновляются И. В. Сталиным, – писал историк. – Последовательное проведение в жизнь советскими историками указаний И. В. Сталина – великого вождя и ученого – является залогом дальнейшего расцвета исторической науки» [4. С. 256].

Для того чтобы существовать в этой «идеологической мясорубке» (А. Н. Сахаров) [15. С. 7], историку следовало «играть по правилам» системы.

12. Разработка и внедрение определенных схем создания исторических трудов (прежде всего по истории XX века).

Степень давления на историков была различной: представители специальных, вспомогательных исторических дисциплин находились в более комфортном положении – власть ограничивала их меньше, чем историков, например, советского периода. Именно здесь сложилась довольно примитивная «технология» разработки исторических тем, своего рода алгоритм изложения, который включал подбор соответствующих цитат из работ классиков марксизма-ленинизма

(в 30–50-е годы XX века, прежде всего, Сталина); учет актуальных установок из партийно-государственных документов («демонстрация направляющей и организаторской роли коммунистической партии, ее вождя»); выстраивание разрешенных фактологических массивов, разработку «правильных» персоналий; пафосно-патетический стиль и тон изложения и оценок прошлого и настоящего, в голубых и розовых тонах подчеркивание безупречности выбранной стратегии, действий вождя, превосходства всего советского над несоветским, акцент на подрывной деятельности внешних и внутренних врагов и т. п.

Что же произошло с историей в результате этой сталинской идеологической «прививки»? Она, увы, перестала быть наукой (несмотря на отдельные достижения). Сталинизация исторического знания породила феномен «монументальной истории», в которой царствовали догматизм, субъективизм, эклектизм, вульгаризация, одиозный подход и мелкотемье. Таким образом, сегодняшнее стремление части исследователей «уйти в детали» в ущерб исследованиям прошлого в целом – прежде всего, наследие 30–40-х годов [9. С. 69].

Провинциализм и вопиющую пошлость этой ситуации в декабре 1934 г. в одном из своих писем тонко подметил И. П. Павлов: «Если бы нашу обывательскую действительность воспроизвести целиком, без пропусков, со всеми ежедневными подробностями – это была бы ужасающая картина, потрясающее впечатление от которой на настоящих людей едва ли бы значительно смягчилось, если рядом с ней поставить и другую нашу картину с чудесно как бы вновь вырастающими городами, днепростроями, заводами-гигантами и бесчисленными учеными и учебными заведениями» [8. С. 7–8].

Примечания

1. Афанасьев, Ю. Н. Феномен советской историографии [Текст] / Ю. Н. Афанасьев // Советская историография. – М. : РГГУ, 1999. – С. 7–41.
2. Вестник Архива Президента Российской Федерации. Историю в школу: создание первых советских учебников [Текст]. – М., 2008. – 304 с.
3. Герасименко, Г. А. О взаимовлиянии тоталитаризма и исторической науки в СССР [Текст] / Г. А. Герасименко // Россия в XX веке: Историки мира спорят. – М. : Наука, 1994. – С. 654–664.
4. Греков, Б. Д. И. В. Сталин и историческая наука [Текст] / Б. Д. Греков // И. В. Сталину – Академия Наук СССР. – М. : Издание Академии Наук СССР, 1949. – С. 243–262.
5. Дубровский, А. М. История и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е годы) [Текст] / А. М. Дубровский. – Брянск: Изд-во Брянского государственного университета им. академика И. Т. Петровского, 2005. – 800 с.
6. Колчинский, Э. И. Наука и эмиграция: судьбы, цифры, свершения [Текст] / Э. И. Колчинский // Науковедение. – 2003. – № 3. – С. 201–207.
7. Кормина, Ж. Воинская присяга: к истории одного перформатива [Текст] / Ж. Кормина // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 1. – С. 98–106.
8. Лебина, Н. О пользе игры в бисер. Микроистория как метод изучения норм и аномалий советской повседневности 20–30-х годов [Текст] / Н. Лебина // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы. – СПб. : Нева, 2000. – С. 9–27.
9. Маньковская, И. Л. Культ личности и историко-партийная наука [Текст] / И. Л. Маньковская, Ю. П. Шарапов // Вопросы истории КПСС. – 1988. – № 5. – С. 57–70.
10. Мерцалов, А. Н. Сталинизм и освоение прошлого [Текст] / А. Н. Мерцалов // История и сталинизм. – М. : Политиздат, 1991. – С. 382–448.
11. Небезин, В. А. «Бурные аплодисменты, переходящие в овацию...» [Текст] / В. А. Небезин // Независимая газета. – 2003. – 16 октября. – С. 3.
12. Платт Кевин, М. Ф. Репродукция травмы: сценарии русской национальной истории в 1930-е годы [Текст] / М. Ф. Платт Кевин // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 2. – С. 63–85.
13. Репина, Л. П. История исторического знания [Текст] / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – М. : Дрофа, 2004. – 288 с.
14. Робинсон, М. Русская академическая элита (1910–1920-е годы) [Текст] / М. Робинсон // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 1. – С. 159–191.
15. Сахаров, А. Н. Историческая наука на перепутье [Текст] / А. Н. Сахаров // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. – М. : Наука, 1996. – С. 5–10.
16. Троцкий, Л. Д. Сталинская школа фальсификаций [Текст] / Л. Д. Троцкий // Вопросы истории. – 1989. – № 7. – С. 126–144.
17. Чернышев, В. Б. Аплодисменты, переходящие в овацию: Как Сталин работал над подготовкой отчетных докладов ЦК съездам партии [Текст] / В. Б. Чернышев // Гласность. – 1990. – 29 ноября. – С. 6.